

Патриархат и «женская власть»¹¹

(Е. Здравомыслова, А. Темкина)

«Теперь же женщина лишена того права, которое имеет мужчина. И вот, чтоб возместить это право, она действует на чувственность мужчины, через чувственность покоряет его так, что он только формально выбирает, а в действительности выбирает она. А раз овладев этим средством, она уже злоупотребляет им и приобретает страшную власть над людьми».

Л. Толстой. Крейцера соната

И я была заносчивой, как вы,
Строптивую и разумом и сердцем.
И отвечала резкостью на резкость,
На слово — словом; но теперь я вижу,
Что не копьём — соломинкой мы бьемся,
И только слабостью своей сильны.

У. Шекспир. Укрощение строптивой

В статье представлена трактовка отношений власти в патриархатном обществе. Авторы утверждают, что диалектика власти, типичная для современного российского патриархата, приводит к выработке своеобразной «женской власти», которая оказывается реакцией на господство и угнетение, испытываемое женщинами. Само признание «женской власти», равно как и ее критика, есть свидетельство культурного патриархата.

¹¹ Авторы благодарят за комментарии О. Воронину, А. Золотову, Т. Клименкову, А. Магуна, Е. Мещеркину, Н. Нартову, Л. Попкову, И. Тартаковскую, Ж. Чернову, Л. Шпаковскую, С. Ушакина.

Постановка проблемы

В современном российском публичном дискурсе распространены представления об особой власти, позволяющей женщинам достичь желаемых целей. Эту власть часто называют «женской властью». Смысловым ядром этой дискурсивной фигуры являются репрезентации «женщины-стервы», осуществляющей специфические властные стратегии, далеко не всегда одобряемые обществом. В современных книжных магазинах среди научно-популярной литературы по менеджменту и психологии общения появился новый раздел. У него есть своя терминология, категориальный аппарат, своя система доказательств, свои адепты и читатели. Российская феминистка Л. Попкова не без иронии назвала эту «отрасль» «стервологией». Многочисленные книги в разных сериях (а их число превышает несколько десятков) призывают «стерву» (т. е. женщину, ориентированную на достижения и успех) освоить искусство манипулирования мужчинами и окружающим миром, определяют цели и дают рецепты их достижения.

Образ «стервы» в публичном дискурсе явно двойствен. С одной стороны, задача «стервы» — подчинить себе мужчину, заставить его реализовывать ее интересы, «обведя вокруг пальца»; способы достижения цели — «игра без правил», «манипулирование», «обольщение» и т. п. С другой стороны, в качестве «стервы» представлена карьерно ориентированная женщина, умело управляющая трудовым коллективом, обладающая высоким уровнем квалификации в сфере межличностного профессионального взаимодействия. Приведем примеры некоторых названий книг, заголовков и разделов «стервологии»: «Основы дрессировки, или Как изменить мужчину без его ведома», «Записки мудрой стервы», «Стерва в пучине страстей. Мужчина в сердце и под каблуком», «Стерва высшей пробы. Игра по правилам и без», «Стерва выходит сухой из воды», «Стерва на капитанском мостике. Преимущества и издержки власти», «Искусство обольщения», «Женщина, играющая и выигрывающая», «Поймайте на крючок мужчину», «Об обладании и управлении мужчиной», «Как говорить, чтобы мужчины слушали» и т. д.

Эта дискурсивная фигурация как феномен гендерного символического порядка требует социологического осмысления. Перед социологом возникают следующие вопросы. Что зако-

дировано в термине «стерва»? Каковы представления о «женской власти» как особой стратегии достижения женщинами поставленных целей? В чем заключается специфика этой власти? Почему субъекты, которым приписываются такие стратегии, представлены негативно или иронически?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам прежде всего необходимо разобраться, как трактуется власть в гендерных исследованиях, а затем выяснить, какова феминистская интерпретация той власти, которая в повседневности называется «женской». Каким образом мы сами интерпретируем «женскую власть»? Признаем ли мы ее существование, или же, напротив, считаем представления об особой «женской власти» издержками культурального (культурного) патриархата, характерного для современного российского общества? Для этого нам потребуется более подробно рассмотреть положение женщины в патриархатном обществе и доступные ей возможности достижения целей. Затем мы перейдем к анализу советского и постсоветского общества, символический порядок которого воспроизводит типический образ «стервы» — женщины «властной», «хищной», «хитрой», «беспринципной», «двуличной», ориентированной на достижения и способной подчинить себе окружающих.

Категория власти является ключевой для понимания гендерного порядка. Обсуждение неравенства, контроля, дискриминации, асимметрии возможностей представляет собой обсуждение властных отношений. Власть имеет также и символическое измерение. В соответствии с определением Дж. Скотт, гендер — это конститутивный элемент социальных отношений, основанных на различии полов, и первичный способ означивания отношений власти (Скотт 2000). В феминистских исследованиях второй волны проблематика гендерной власти озвучивается в терминах патриархата, под которым понимается господство мужчин над женщинами, т. е. система гендерных отношений, в которой мужчина является субъектом власти, а женщина — объектом угнетения (Айвазова 2002: 169). Позднее гендерная власть рассматривается как многомерная иерархия различных типов мужественности и женственности, возникающая в результате пересечения нескольких типов господства — по критериям класса, расы, сексуальности и категории принадлежности к полу.

Однако утверждения о безусловном мужском господстве противоречат дискурсивной реальности современной России. В публичной коммуникации постоянно артикулируются образы сильной матери, супруги и сексуально привлекательной дамы, наличие у женщин, выполняющих традиционные роли, особой власти, выходящей за пределы приватной сферы, но укорененной в ней. Эти репрезентации сочетаются с проблематизацией безусловного авторитета мужчины, основанного на его половой принадлежности¹², и с тоской по мужскому авторитету, которому мешают осуществиться структурные барьеры.

С нашей точки зрения для того, чтобы прояснить отношения власти в гендерном измерении, нужно решить две аналитические задачи. К первой задаче относится концептуализация диалектики власти «сильных» и «слабых» в патриархатных обществах разного типа, ко второй — осмысление особого характера власти, приписываемой именно «слабому полу», ключевой для организации гендерных отношений и связанной со сферой заботы, а также с эмоциональной и сексуальной сферой¹³. В данной статье мы сосредоточиваемся на решении первой задачи и намечаем подходы к решению второй, которая предполагает реконструкцию правил катексиса, релевантных для современного российского общества.

¹² Обсуждение тематики «кризиса мужественности» см.: Здравомыслова, Темкина 2002б.

¹³ Т. е. с тем измерением гендерного порядка, которое Р. Коннелл называет структурой катексиса. Катексис — неологизм, введенный английскими переводчиками З. Фрейда при переводе термина «besetzung», которым был обозначен «заряд психической энергии». Фрейд использовал термин как существительное — *это катексис* (ego cathesis), как глагол — *эмоционально заряжать объект* (to cathect an object), как прилагательное — *катектическая верность* (cathetic fidelity). Термин обозначает проявления заряда физиологической или психической энергии, импульс, аффективную установку на объект и используется в психоанализе для определения количества энергии, сцепленного с представлением об объекте или психической структурой (Райнкрофт 1995: 69–70). В дальнейшем этот термин использует Т. Парсонс для обозначения объектно-ориентированного состояния аффекта, предполагающего притягательную значимость объекта. По Коннеллу, катексис — это конфигурация эмоционально заряженных социальных отношений с другими людьми (Connell 1987).

Социологическая трактовка власти

В самом общем виде власть означает право и возможность одних повелевать, распоряжаться и управлять другими, способность осуществлять свою волю по отношению к другим, оказывать влияние на их поведение, используя авторитет, право, насилие и т. д. Со времен М. Вебера в политической философии и социальной теории проводится различие между категориями «власть» и «авторитет». Авторитет — это легитимная, т. е. признанная, власть, имеющая устойчивый характер, опирающаяся в основном на механизмы контроля, не связанные с насилием, но обладающая правом на легитимное насилие. Господство — это устойчивая, воспроизводящаяся власть авторитета. Власть — это способность осуществлять свою волю независимо от воли других людей. Таким образом, авторитет — это одна из разновидностей власти. Отношения власти могут осмысливаться в категориях господства и подчинения (легитимная власть авторитета), эксплуатации и угнетения. В последних двух случаях речь идет о нелегитимной власти, которая рассматривается как нарушение справедливого порядка, основанного на либеральных идеалах равенства.

Экономическая эксплуатация рассматривается в марксистской парадигме как несправедливое изъятие классом собственников части продукта (прибавочной стоимости), произведенного наемным работником; как обогащение одних за счет обеднения других. Политическое, идеологическое, культурное угнетение суть институциональные механизмы контроля и воспроизводства системы эксплуатации.

Иначе подходит к изучению власти М. Фуко, чьи взгляды оказали существенное влияние на феминистский дискурс. Он делает акцент на микрофизике власти, интерпретируя ее как бессубъектный капиллярный механизм контроля, проникающий во все ткани социального целого. Как движение является атрибутом материи, так и власть атрибутивна человеческому действию. Рассматриваемая на уровне микрофизики социального, власть не является собственностью, достоинством или монопольным правом на ресурсы; она не тождественна способности субъекта к покорению другого. Власть диффузна и редко выражается в связанном систематическом дискурсе. Она являет себя в многообразных приспособлениях, однако не может быть сведена к локусу конкретного социального института, даже

государственного аппарата. Последний лишь обращается к ней, использует или насаждает некоторые ее методы. «Власть производит знание», которое ее оправдывает и делает общественно признаваемой. Фуко утверждает, что «нет ни отношений власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти» (Фуко 1999: 42). Другое дело — исполнение власти. Власть исполняется в виде стратегии действия.

В структурно-конструктивистской парадигме (П. Бурдьё, Э. Гидденс), получившей широкое распространение в современной социологии гендерных отношений, ключевым для операционализации категории «власть» является понятие «диалектика социального контроля», описываемое в терминологии «правил» и «ресурсов». В данной парадигме власть понимается двояко. Э. Гидденс развивает понимание власти, предложенное Вебером, ассимилируя трактовку Фуко (Гидденс 2003). Суть отправления легитимной власти (или авторитета) — социальный контроль. Авторитет предполагает ответственность субъекта за последствия исполнения властных решений, в том числе и за осуществление принуждения. По Гидденсу, легитимная власть выражает себя в установленных правилах взаимодействия, которым следует социально интегрированный индивид. Исследователь выделяет два аспекта правил: семантический и моральный.

Семантические правила структурируют повседневный дискурс и делают возможным взаимодействие людей на основании общей для них смысловой рамки. Моральные правила порождают интересубъективную оценку действий в категориях добра и зла. Правила регулируют практики социального взаимодействия и реализацию власти в форме социального контроля. Семантические правила определяют, что является ресурсом в данном обществе, т. е. за счет каких активов возможно достижение поставленных целей. Так, например, психологическое удовлетворение, которое мы испытываем, обнаруживая общих знакомых с людьми, впервые входящими в круг нашего взаимодействия, демонстрирует значимость социального капитала в определении социальной позиции индивидов в нашем обществе. Еще один пример: в традиционных обществах сокровища недр — запасы угля, нефти — могут не считаться ресурсами, в то время как в индустриальных обществах они являют-

ся мощными источниками обогащения. Семантические правила организуют символический порядок общества.

Моральные правила устанавливают степень легитимности целей и также отвечают на вопрос, какие средства допустимо использовать для достижения индивидуальных и групповых целей, а какие неприемлемы в данном обществе с нравственной точки зрения. Так, например, распространенность практик домашнего насилия в обществе и отношение к ним являются индикаторами морального порядка.

Основное понятие, с помощью которого Гидденс операционализирует категорию «власть», — это «ресурсы», т. е. средства или «активы», которые действующие лица могут использовать для достижения своих целей в социальном взаимодействии, стремясь улучшить или сохранить свою позицию в социальном пространстве. Гидденс различает материальные возможности или управление объектами (аллокативные ресурсы) и управление людьми (авторитативные ресурсы). Ресурсы — это средства накопления и использования власти. Власть, таким образом, представлена как способность осуществлять контроль над социальными действиями и взаимодействиями или как способность реализовывать решения в рамках заданных правил с использованием имеющихся ресурсов. Власть как возможность социального контроля, осуществляемого по правилам, может реализовывать любое действующее лицо. Отправляемая власть может быть понята как стратегия действия. Однако ресурсно слабые и ресурсно сильные индивиды и группы различаются по объему и типу проявляемой власти и могут находиться в отношениях субординации, т. е. соответственно господства и подчинения.

Различия во властных позициях сказываются в различиях стратегий, используемых для достижения целей. Стратегии господствующих и стратегии угнетенных принципиально различны, хотя и те и другие представляют собой стратегии ограждения, т. е. цепочки целенаправленных действий, способствующих сохранению имеющихся ресурсов и связанных с ними привилегий и препятствующих допуску к этим ресурсам других индивидов или групп. Стратегия ограждения, используемая господствующими классами, называется *социальным исключением*. Она предполагает выработку социальных механизмов, предотвращающих доступ к ресурсам господства со

стороны представителей низших классов. Стратегия солидаризма, напротив, направлена на сопротивление угнетателям и ориентирована на перераспределение доступа к ресурсам. Иногда ее называют стратегией захвата, или узурпации. Если стратегии господствующих групп являются устойчивыми и институционализированными, то стратегии угнетенных, напротив, подвижны, краткосрочны и далеко не всегда носят объективированный коллективный характер. Только спорадически в периоды циклов протеста эти стратегии приобретают наступательный характер (см.: Parkin 1974).

Данный подход, на наш взгляд, релевантен для анализа гендерного порядка, причем он ни в коем случае не исключает из рассмотрения отношений гендерно специфическое угнетение и подчинение. В данном случае предполагается, что подчинение и угнетение описывают два принципиально различных типа властных отношений. Подчинение предполагает легитимное господство; угнетение, наоборот, — кризис легитимности власти. Подчинение предполагает устойчивую культуру адаптации, которую с натяжкой можно назвать молчаливым или скрытым сопротивлением, а угнетение — потенциал роста сознания угнетаемых групп, активные солидарные формы борьбы за переустройство социального порядка. В целом, однако, и подчиненные, и угнетенные социальные группы могут мобилизовать имеющиеся у них ресурсы, для того чтобы сопротивляться ухудшению своего положения или добиваться его улучшения. Однако власть подчиненных имеет свои особенности.

«Власть сильных» и «власть слабых»

В социальной реальности, которая видится нам как конфликтогенное поле социальных взаимодействий, всегда существует неравное распределение возможностей, т. е. присутствует некоторый дифференциал власти. Слабый и сильный, подчиненный и господствующий равно являются действующими лицами, но их ресурсы, а значит и потенциал контроля взаимодействий, различны. Для них характерна также разная степень ответственности за результаты действий. Власть как способность действовать — это не только принуждение и доминирование сильного, но и влияние исподволь, манипулирование и скрытые способы достижения целей.

В чем же заключается «власть слабых»? Каковы стратегии «безвластных» агентов, т. е. тех, для которых типична нехватка ресурсов и к которым по определению относятся группы женщин в патриархатных обществах? Ответ на эти вопросы может быть получен с использованием моделей, которые предлагают исследователи, работающие с понятием «моральная экономика» (Фицпатрик 2001а, 2001б; De Certeau 1984; Scott 1985). Они рассматривают дифференциал сил, действующих в поле властных отношений. При таком подходе основная идея заключается в том, что властью наделены все действующие в социальном пространстве лица, но способы ее исполнения, ее объем и качество различны. Есть власть колониального правительства и есть власть крестьян, находящихся под его гнетом; есть власть выстраивания стратегии и есть власть тактик, с помощью которых люди приспособляются к стратегиям власть имущих, видоизменяют их и сопротивляются им. Аналогично в патриархатном обществе есть власть мужского общества, осуществляющего господство, и власть женщин, которые являются вторым, или слабым, полом. Предполагается, что можно выделить некоторые значимые характеристики, различающие эти два типа власти. Господствующая власть проявляется в способности выстраивать и осуществлять стратегию, т. е. макроплан, нацеленный на проект будущего. Такая власть может прибегнуть к легитимному принуждению; это власть номинации, опирающаяся на научный дискурс, власть, способная формировать и поддерживать семантические и моральные правила социальных взаимодействий. Это власть-авторитет, сопряженная с ответственностью за последствия действий и за подчиненных, понуждаемых к действиям в рамках стратегического проекта.

Иной представляется власть подчиненных. Она имеет не стратегический, а тактический характер и осуществляется в реактивных практиках адаптации к стратегиям¹⁴; эти практики диффузно рассыплены, их формы изменчивы во времени и пространстве, изобретательны. Однако все они обладают сходной

¹⁴ В дальнейшем мы избегаем различения тактик подчиненных и стратегий господствующих исключительно из стилистических соображений. Вместо этого мы выделяем два типа стратегий — стратегии господствующих и стратегии подчиненных.

формой; тактики подчиненных реализуются через механизм манипулирования, т. е. непрямого и часто индивидуализированного влияния на власть имущих. Подобно неуловимому Протею носители (или исполнители) этого типа власти могут менять свою идентичность в зависимости от ситуации. Они являются то инвалидом, нуждающимся в защите, то раболепным воплощением верности, то символом коварной измены. Субъекты власти-подчинения используют разнообразные реактивные, тактические, не прямые способы достижения целей, для которых подходящим названием является «скрытое влияние», в отличие от открытого господства и легитимного принуждения, осуществляемого сильными. Легитимность этих тактик встроена в порядок господства. Это практики подчиненных, но не угнетенных. В данном случае различие, которое мы проводим между «подчинением» и «угнетением», существенно. Подчинение предполагает признание полномочий власть имущих, признание справедливости неравенства в доступе к ресурсам и благам со стороны общества в целом и со стороны самих негативно привилегированных групп. Угнетение и эксплуатация — это термины, которые указывают на несправедливость в распределении власти и на возможность выработки наступательных коллективных стратегий переопределения социального порядка (стратегий солидаризма и узурпации). Подчиненные — субъекты скрытого влияния — могут уклоняться от ответственности за осуществляемые действия или не признавать такую ответственность. Поэтому степень легитимности такого типа власти гораздо ниже. Подчиненные, осознавшие свое угнетенное положение, стараются изменить стратегии достижения целей. На смену манипулированию приходят действия протеста.

Этот подход подробно разработан английским социальным историком Дж. Скоттом. Он рассматривает проекты государственной власти и ее воздействие на жизнь обычных людей (Scott 1998). Он показывает, что период «высокого модернизма» характеризуется макропроектами авторитарного государственного планирования и картографирования социального пространства, прописывания его до мелочей, вплоть до создания категорий для классификации индивидов и групп, подвергающихся учету и контролю. Грандиозные проекты конструирования социального мира (Ле Корбюзье, Мак-Намара,

Сталин) предполагают особую познавательную перспективу, особое знание — типа *techne*. В отличие от государственного локальное практическое знание простых людей Скотт определяет как *metis*. Этот древнегреческий термин отсылает нас к мифологической богине мудрости (хитроумия) Метис, первой супруге Зевса, которую проглотил царь богов, поскольку, согласно пророчеству, она должна была произвести на свет потомство, угрожающее власти олимпийца. Метис-Мудрость опасна для авторитета Громовержца, поскольку она может породить нечто, обладающее возможностью уничтожить его власть. Практическое знание, олицетворяемое в образе Метис, пластично, конкретно, подвижно и реактивно, импровизационно и способно к постоянному обновлению в зависимости от ситуации.

Мифологическим воплощением знания типа *metis* был хитроумный Одиссей, обманувший и ослепивший циклопа Полифема, буквально проскользнувший между пальцами великана, — он привязал себя и своих спутников к животам овец. *Metis* как локальное знание, укорененное в контексте своего воспроизводства, может утрачиваться вместе с изменением макростратегии господствующих групп. Однако можно предположить, что воспроизводство контекста может заново создать условия воспроизводства *metis* как «хорошо забытого» старого опыта, когда такое воспоминание рассматривается как возрождение традиции. *Metis* — это локальное знание, ставшее культурой угнетенных, не признающих своего угнетения. *Metis* — это хабитус угнетенных, который является воплощением их классового места. На наш взгляд существенными чертами этого практического знания, реализуемого в действиях, являются рутинизированность и устойчивость. Даже когда стратегии господствующих классов меняются и возникают новые возможности для исключенных прежде групп, *metis*, или хабитус, продолжает сохраняться.

Эффект запаздывания (гестерезиса), характеризующий воспроизводство рутинных практик в условиях изменившихся институциональных условий, распространяется и на устойчивые стратегии подчиненных, ставшие частью культуры (см.: Бурдые 2001). П. Бурдые пишет: «Очевидно, что эту специфическую форму доминирования можно адекватно понять, лишь преодолев наивную оппозицию между насилием и подчинени-

ем или принуждением и согласием. В действительности принуждение, производимое символическим насилием, реализуется посредством вынужденного признания, которое доминируемые не могут не даровать доминирующим. Поскольку, чтобы мыслить самих себя и доминирующих, они располагают лишь теми мыслительными инструментами, что являются общими как для доминирующих, так и для доминируемых» (Там же: 15). Иными словами, подчиненные принимают свое подчинение. И хотя Бурдьё скептичен по отношению к эффективности стратегий подчиненных, в символическом порядке он признает особые женские практики (практики подчиненных) — интриганство, коварство, сексуальное манипулирование и т. д.

Мы предполагаем, что женскую власть-манипулирование («власть слабого пола») можно рассматривать как *metis*, как практическое локальное знание подчиненных, выросшее в контексте классического патриархата и воспроизводящееся в современных условиях нео- и постпатриархатных ситуаций¹⁵. Итак, мы утверждаем, что в патриархатном обществе «власть женщин» является «властью слабых» и обладает следующими чертами.

Во-первых, она может быть осмыслена как манипулирование или не прямое влияние на тех, кто доминирует открыто.

Во-вторых, границы ее легитимности неопределенны и подвижны, а зачастую она представляется нарушением правил (это и отражено в негативных смыслах термина «стерва»).

В-третьих, носители такой власти могут ускользнуть от ответственности за результаты действия, что связано с дефицитом легитимности.

В-четвертых, специфическая «власть слабого пола» укоренена в сфере катексиса (семейных и интимных эмоциональных отношениях) с присущими ей отношениями власти и авторитета.

¹⁵ В таком же русле рассуждает о патриархате Гидденс. Анализируя институт семьи и брака, он пишет, что «очень часто власть в семьях принадлежит женщинам, но осуществлять свое влияние они могут преимущественно косвенным путем. Женщина стремится замаскировать всякую власть, потому что это выглядело бы как нечто незаконное» (Гидденс 1999: 374).

В-пятых, данная власть погружена в повседневность; она индивидуализирована, рутинизирована и потому трудно распознаваема, ее трудно разрушить как таковую.

В-шестых, «женская власть» как проявление патриархата может разрушиться только вместе с ним.

В-седьмых, феминистская политическая стратегия должна заключаться в переосмыслении подчинения в категориях угнетения и разработке прямых солидарных стратегий построения эгалитарного гендерного порядка.

Патриархат и патриархаты

Итак, «женская власть» как стратегия подчиненных и дискурсивная фигурация неотделима от патриархата. Однако патриархат неоднороден, и современные исследователи чувствительны к различиям патриархатных обществ.

Социолог феминистской ориентации С. Уолби определила патриархат как систему социальных структур и практик, при которой мужчины доминируют, подавляют и эксплуатируют женщин (Walby 1986). Патриархат как система мужского доминирования воспроизводится посредством государства, семьи, разделения труда, религии, системы образования и других социальных институтов. На дискурсивном уровне патриархат выражается в том, что мужская точка зрения оказывается доминирующей в социальном и гуманитарном знании, в культуре в целом, а женский взгляд и опыт оттеснены в «культурное зазеркалье» (Воронина 2005). Символический патриархат может быть описан как культурный андроцентризм (Fraser 1997), иерархия ценностей которого выстроена таким образом, что все то, что маркируется как женское, обладает заведомо меньшим значением, нежели символическое мужское.

В этих определениях патриархата осуществление власти понимается преимущественно как угнетение и эксплуатация, которые проявляются в механизмах принуждения, насилия, дискриминации и других формах исключения. Механизмы исключения женщин как социальной категории меняются и соответствуют разным типам патриархата и разным институциональным контекстам. Исключение, осуществляемое с помощью насилия, сменяется более цивилизованными формами исключения, связанными с работой идеологического аппара-

та господства, с социально-психологическими механизмами и механизмами групповой динамики. Наиболее тонким и изощренным механизмом исключения является «вытеснение» («mobbing»). Это понятие в феминистской правовой теории употребляется наряду с терминами «моральная дискриминация» («moral discrimination») и «моральное давление» («moral harassment»). Вытеснение — это мягкий способ исключения меньшинства, который с трудом поддается регистрации в исследовательском поле. Его маркером может быть только осознание этого явления, подобно тому как дедовщина в качестве механизма поддержания патриархата в армии проблематизируется только при злоупотреблении авторитетом.

В своей классической форме теория патриархата опирается на представление об отношениях власти как взаимодействию с нулевой суммой, при которой вся власть сконцентрирована в руках господствующей группы, а угнетенные полностью лишены власти. Таким образом, общество представляет собой дихотомию господствующих и подчиненных, угнетателей и угнетенных, власть имущих и безвластных.

Наше представление о власти при патриархате более сложное. Оно позволяет дополнить интерпретацию механизмов патриархатного угнетения еще одним весьма существенным аспектом — анализом власти подчиненных как необходимым структурным компонентом патриархатного господства. При этом мы должны иметь в виду различия патриархатных обществ и соответственно различия способов осуществления «власти слабого пола». «Власть безвластных» существенно трансформируется при изменении форм патриархата. Рассмотрим представления некоторых феминистских исследователей о различиях патриархатных обществ более подробно.

Шведский социолог Г. Терборн выстраивает политическую и историческую географию патриархатов, различая их по критерию устройства частной сферы. Именно сфера семейных и интимных отношений рассматривается им как ключевое поле системы подавления женщин. Под «классическим патриархатом» он понимает семейный уклад, предполагающий безусловную власть отца в семье, сильное влияние родителей на заключение браков, главенство мужа и вторичный статус дочери по сравнению с сыном (Therborn 2004: 130). С точки зрения Терборна в конце XX века в результате процессов эмансипации и

последующего консервативного ренессанса «депатриархализации» в современном мире существует три основных типа гендерного порядка: постпатриархат, неопатриархат и промежуточный тип¹⁶.

В постпатриархатных обществах женщины обладают автономией; они в экономическом и властном отношении относительно независимы от родителей и мужей. Достигается равенство прав мужчин и женщин в семье. Женщины обретают публичную власть (несмотря на то, что продолжает сохраняться господство мужчин в публичной сфере). В неопатриархатных обществах, в той степени, в которой женщины лишены автономии и доступа в публичную сферу, они могут пользоваться только скрытыми рычагами приватной власти-манипуляции. В обществах промежуточного типа возникают разные конфигурации власти. Именно в таком контексте мы рассматриваем гендерный порядок советского и постсоветского типа.

Для анализа баланса власти в патриархатных обществах разного типа эвристичным является понятие «патриархальная сделка», предложенное Д. Кандиоти (Kandiyoti 1988)¹⁷. Согласно этой теории, договор между гендерными группами, выделяемыми по признаку пола, выгоден для обеих сторон, поскольку подчиненные получают выгоды, мобилизуя имеющиеся у них ресурсы. «Патриархальная сделка» — гарантия защиты и безопасности представителей низших статусных групп, полу-

¹⁶ Это постпатриархатные общества (Северная Америка, Латинская Америка с некоторыми исключениями, Япония, Корея, Океания, в основном Восточная Европа и Россия), неопатриархатные общества (большинство мусульманских стран, Индия, сельские области Китая, некоторые регионы Латинской Америки) и общества промежуточного типа (Южная Азия, Южная Африка, Турция, Западная Африка).

¹⁷ Мы различаем патриархальный и патриархатный порядок. По определению К. Миллет (1994), патриархат — это семейная, социальная, идеологическая, политическая система, в которой женское всегда подчинено мужскому. Здесь под патриархальным порядком понимается система контроля, осуществляемая расширенной семьей, в первую очередь старшим поколением, при низкой степени автономии супружеской пары. Под патриархатным порядком понимается главенство мужчины в автономной (проживающей отдельно, имеющей собственные источники дохода) нукlearной семье (паре).

чаемая ими в обмен на подчинение предписанным ролям¹⁸. Ответственность за организацию жизни общины в целом возлагается на старших мужчин. Подтверждая свой статус подчиненных и следуя поло-ролевым предписаниям, женщины на самом деле используют разнообразные формальные и неформальные стратегии, стремясь максимизировать свою безопасность и оптимизировать жизненные шансы. Кандиоти сравнивает две системы патриархата — Суб-Сахару и Азию (Южную, Восточную и мусульманский Средний Восток). Исследовательница анализирует различия «правил игры» в гендерном устройстве обществ, которые задают разные структурные условия для действий слабых агентов. В первом случае (Сахара) женщины имеют бóльшую автономию, во втором (Азия) — меньшую. Для Кандиоти важным является тезис о различиях патриархатных обществ, которые часто игнорируются исследователями, интерпретирующими патриархат как некое монолитное и унифицированное социальное устройство. В наиболее жестких системах патриархата у женщин практически нет открытых рычагов власти, а в менее жестких патриархатных обществах женщины, не имея легитимной публичной власти, тем не менее обладают определенной автономией и авторитетом в рамках своих ролей. Соответственно они используют разные стратегии влияния, причем пространство для таких стратегий существует и в странах «классического» патриархата.

Согласно Кандиоти, «классический» патриархат предполагает минимальную автономию женщин или ее полное отсутствие, вторичный статус женщин в патриархальной родительской и патрилокальной супружеской семье (Kandiyoti 1988: 274—290). Полное господство мужчин в обществе означает их ответственность за благополучие подчиненных (младших мужчин и женщин). Однако пример мусульманских стран Азии — стран «классического» патриархата (где девочки выдаются замуж родителями, подчиняются не только мужу, но и старшим родственникам) — показывает, что старшие женщины осуществляют контроль взаимодействия в родовом сообществе.

¹⁸ «Патриархальная сделка» может быть также проиллюстрирована механизмами воспроизводства деовщины в призывной армии.

Их «ресурсами» является материнское и супружеское влияние, которое они оказывают на сыновей и мужей. Старшие женщины выбирают жену для сына, и в дальнейшем невестка подчиняется свекрови и признает ее власть в семье. Старшие женщины заинтересованы в том, чтобы воспроизводилась их семейная власть; они манипулируют мужьями и сыновьями, препятствуют выделению молодых семей из расширенной семьи. Такие стратегии считаются основой «женского консерватизма». Им противостоят стратегии молодых мужчин, стремящихся отделиться от семьи, а также распространение романтической любви в современном мусульманском мире, которая создает потребность в выделении супружеской пары в «автономную единицу», независимую от старших родственников, и ограничение контроля со стороны последних. Иными словами, постепенно происходит проблематизация правил «патриархальной сделки» даже в жестких патриархатных системах. Начинаются «переговоры» и конфликты по поводу гендерного распределения ресурсов, прав и обязанностей. Условия «патриархальной сделки» в современном мире могут оспариваться и переопределяться.

«Патриархальная сделка» проходит нормальную и кризисную фазу. В период нормальной фазы классического патриархата всегда существуют аномальности (разведенные или бездетные женщины, женщины, у которых нет сыновей или чьи сыновья нарушают «правила игры»). Однако такие феномены считаются случайными, норму конституирует патриархальная семья. В кризисной фазе постклассического патриархата начинается проблематизация гендерного устройства, существующие правила перестают действовать, уже нельзя не замечать аномалии. Реакция на такую проблематизацию двойственна. С одной стороны, происходит рост автономии женщин и их реальной власти, осуществляется борьба за равные права и т. д.; с другой стороны, усиливается консервативная реакция, воспроизводятся патриархат и соответственно остаются востребованными скрытые рычаги влияния слабых. Понятие «патриархальная сделка» предполагает признание особых стратегий зависимых женщин.

Для осмысления феномена «женской власти» как структуры патриархата полезны также рассуждения Н. Фрезер, которая различает разные типы угнетения женщин. Классический

патриархат характеризуется сочетанием экономического и культурного угнетения женщин. Постклассический патриархат, который переживает современное, в том числе и российское, общество, в значительной мере определяется тенденциями преодоления правового и экономического угнетения женщин, но совершенно явным образом воспроизводит культурное угнетение — андроцентризм. Во многих современных обществах именно андроцентризм оказывается особенно живучим; он проявляется и в феномене стеклянного потолка, свидетельствующем о наличии барьеров социального продвижения женщин, и в поло-типизации менее оплачиваемых видов труда, и в гендерном дисбалансе в сфере политического участия (Fraser 1997).

Культурное угнетение женщин можно определить как системную характеристику общества, при котором большее символическое значение имеют черты, традиционно описываемые как признаки мужественности. Культурный сексизм заключается в символическом принижении того, что считается в обществе женственным, и ассоциируется с женщинами, но не только с ними. Непризнание или принижение женского опыта и его символической репрезентации сказывается в низкой оценке и самооценке женщин и в стремлении части женщин «догнать и перегнать» мужчин в символической конкуренции. Культурный андроцентризм культивирует различия полов и придает им символический характер. Однако эти культурно-биологические различия рассматриваются как основания сегрегации и неравного доступа к общественным благам. Именно андроцентризм как культуральный патриархат порождает так называемые женские стратегии достижения власти. Чтобы обойти препятствия, чинимые культурным сексизмом, нужно воспользоваться особым женским ресурсом, ресурсом слабого пола. Но чтобы преодолеть андроцентризм, необходимо изменить гендерную культурную карту. Необходимы символическая децентрализация традиционной мужественности и обеспечение уважения к символически менее значимому гендеру. Деконструкция «женской власти» есть часть стратегии по перекартаванию гендерной культурной карты общества.

Часть устойчивых гендерных различий, к которым относится и так называемая женская власть, является следствием устойчивых паттернов угнетения женщин; такие различия со-

храняются как оправдание и рационализация культурного патриархата. Так же как К. МакКиннон (MacKinnon 1986) и А. Янг (Young 1990), мы утверждаем, что женская власть-манипулирование есть артефакт подавления женщин, и задача феминизма заключается в том, чтобы дезавуировать ее как особую женскую стратегию приспособления к патриархату. Эту же точку зрения разделяет П. Бурдые в своей работе «Мужское господство»: «Не имея возможности понять фундамент общей веры, находящийся в основании самой игры, они (мужчины и женщины. — *Авт.*) могут воспринимать только отрицательные свойства, которыми господствующая точка зрения наделяет женщин. К ним относится, например, хитрость, или, если взять более положительную характеристику, интуиция. В действительности они навязываются женщинам посредством силовых отношений, которые объединяют и разделяют так же, как и приписываемая женщинам негативная добродетель. Дело представляется так, как будто... женщина, которая символически обречена на подчинение и покорность, может получить некоторую власть в домашней борьбе, лишь используя такую силу, как хитрость, способную обратить против сильного его же собственную силу. Например, женщина может действовать как серый кардинал, согласный оставаться в стороне и в любом случае не признающий за собой какой бы то ни было власти, чтобы управлять по доверенности» (Бурдые 2005: 298–299).

Итак, все приведенные рассуждения, привлекая внимание к различиям патриархатов, тем не менее демонстрируют, что во всех патриархатных обществах сохраняется «женская власть» как власть подчиненных. Рассмотрим специфику этой власти в российском обществе.

Россия как разрушающийся патриархат и динамика «женской власти»

К. Воробек, исследуя Россию досоветского времени, полагает, что женщины могут быть сильными даже в условиях патриархатного общества (Worobek 1991). Они адаптируются к патриархату, максимизируя свою власть в пределах предписанных им традиционных ролей. Авторитет матери особенно значим в традиционном обществе. Он может проявляться в том числе в сфере политического конфликта¹⁹. Неформальная

«власть женщин» закреплена обычным правом и связана с их ролью в воспроизводстве; женщины оказывают влияние через своих детей, участвуют в организации браков, в управлении семейными и клановыми отношениями, тем самым участвуя в политических и экономических связях. В аграрных патриархальных обществах женщины обретали власть через усвоение ролей, соответствующих их возрасту и предписанному полу, а также через молчаливое сопротивление (Репина 1997; Wrobeck 1991).

Та же тематика прослеживается применительно к советскому контексту, далеко не изжившему патриархальные нравы, несмотря на официальную риторику гендерного равенства (политику гендерной мобилизации). В исследовании повседневности сталинизма Ш. Фицпатрик, опираясь на идеи Дж. Скотта, описывает разнообразные стратегии подчиненных (Фицпатрик 2001а, 2001б). Ее работа включает анализ гендерной проблематики. Исследовательница выделяет особые женские стратегии приспособления. Реакцией на стратегическое принуждение партии-государства становится формирование специфических женских способов действия. С одной стороны, это вписывание себя в проекты власти, активная адаптация к ним, а с другой — разнообразные виды избегания и манипулирования. Фицпатрик показывает, что женские обращения в государственные инстанции — жалобы, доносы, петиции — связаны с государственной политикой поддержки советской семьи и материнства, политикой выдвижения женщин в публичную сферу. В частности, значительное число таких обращений — это жалобы на мужей, которые уклоняются от супружеского долга или уплаты алиментов. Женщины апеллируют к государственным инстанциям, ожидая от них поддержки в борьбе с институциональным патриархатом, когда, несмотря на «политику выдвижения», их притесняют начальники на работе или когда они становятся объектами сексуальных домогательств. Государственный советский патриархат (представляя себя как государственный феминизм) существовал таким образом, что женщины вырабатывали особые стратегии, соче-

¹⁹ См., например, правило «белого платка» у мусульманских народов или роль организаций солдатских матерей.

тающие противодействие традиционным патриархатным структурам и использование их. Они вступали в альянс со справедливыми и безличными «государственными патриархами» и не пренебрегали ресурсами, унаследованными от классического патриархата. Такие стратегии стали возможными благодаря тому, что государство позиционировало женщин как граждан особого типа, имеющих исключительные обязанности и права в советском обществе.

Советское общество может быть описано как общество разрушающегося классического патриархата, кризиса «патриархальной сделки» при сохранении культурного патриархата, т. е. андроцентризма. Когда патриархат начинает разрушаться, стратегии женщин дифференцируются и трансформируются. Одна группа стратегий связана с ростом эгалитарных тенденций — автономии и независимости женщин, с борьбой за права и обретением реальной власти в публичном пространстве. Вторая группа стратегий способствует воспроизводству консервативных гендерных ценностей, воспроизводству и акцентуации «женской власти» как власти-манипулирования. Обе эти тенденции присутствуют в постсоветских обществах. Итак, «женская власть» как «власть слабых» — это признак патриархата. Ее акцентуация представляет собой мобилизацию традиционной женственности в целях совладания с рисками разрушающейся «патриархальной сделки». Скажем это другими словами.

Эгалитарные тенденции российского гендерного порядка выражаются в том, что женщины утрачивают потребность в манипулятивных стратегиях; они становятся агентами, реализующими реальную публичную власть (противоположность косвенной власти-манипулирования). XX век — это период гендерной модернизации и разрушения (или трансформации) патриархата в разной степени в различных частях света, это время усиления публичных позиций женщин и развития тенденций гендерного равенства (Therborn 2004). Публичная «власть женщин» описывается в феминистской литературе как право доступа женщин к ресурсам, как контроль над ними, а также как возможность принимать и проводить в жизнь решения в домашнем хозяйстве, в политике, в экономике, в культуре. Власть при этом рассматривается не как господство над другими, а как способность и институционально закрепленная возможность действовать и преодолевать препятствия, сопро-

тивляться подавлению, вырабатывать и принимать решения. Власть — это способность менять правила, это потенциал трансформации (Empowerment 1999: 28).

Однако существует контртенденция. В той степени, в какой публичная «власть женщин» в современной России остается неполной, неравной или недостаточно легитимной, сохраняется потребность в манипулятивных стратегиях. Особым является вопрос о том, что происходит с «властью безвластных» в процессе разрушения классического патриархата (в период постпатриархата). Мы полагаем, что кризис патриархата предполагает усиление и расширение ареала «власти безвластных», с одной стороны, и кризис ее легитимности — с другой. Разрушающийся патриархат допускает женщин в публичную сферу, но ограничивает их возможности, создавая конкуренцию между субъектами разного пола в публичной сфере. Конкуренция с нарушением правил в современной российской публичной сфере (которую иногда описывают в категориях дикого капитализма) ставит женщин в невыгодные условия. Именно на этой фазе патриархата усиливается использование традиционной «женской власти» в не свойственных для нее контекстах публичного пространства. Такими стратегиями власти женщины пытаются компенсировать нехватку ресурсов прямого управления, с одной стороны, и институционализованного насилия — с другой. Однако такая власть-манипулирование не считается легитимной: полагают, что именно ее используют «стервы» — женщины, представляющие угрозу мужскому господству, замаскированному в виде «честных правил игры».

Нелегитимная «женская власть» принимает разные формы, но существует две ее разновидности, которые мы считаем ключевыми, — власть сексуально-эротическая и власть заботы. В обоих случаях аффективно ориентированные действия — забота или сексуальное поведение — становятся способами извлечения благ, механизмами неявного контроля или ограничения свободы действий других. Сексуально-эротическая власть осуществляется через использование ресурсов сексуальной привлекательности за пределами легитимной сферы желания и любовных отношений (напомним высказывание Позднышева из «Крейцеровой сонаты» — см. эпиграф). Власть заботы исполняется как манипулятивная, когда она ограничивает возможности самостоятельного действия тех, на кого направлена.

Дискурсивное (не)признание «женской власти» в постсоветский период

Приведенная выше цепь рассуждений может быть применена и к анализу российского гендерного порядка. Именно в отношении современного российского общества при обсуждении гендерной и феминистской тематики часто звучит тезис о нерелевантности западных дискурсов и практик. Нерелевантным считается и понятие «патриархат». Выдвигается следующий аргумент: женский вопрос у нас решен, у женщин и так слишком много власти и прав. Приведем только одно высказывание журналиста А. Никонова из передачи «К барьеру: А. Никонов — М. Арбатова». «Какого вам еще равноправия не хватает? ...Я не люблю коммунистов, но они сделали две хорошие вещи: всеобщая грамотность и окончательное решение женского вопроса. Раньше, чем Европа и Америка и т. д. Хочешь за трактор — за трактор садись. Хочешь в космос — запустим. В Верховный совет — пожалуйста... Хочешь шпалу потаскать? Вот шпала — бери, таскай» (Никонов 2005б).

Российский дискурс изобилует также ностальгией по *естественному гендерному порядку*, утраченному в ходе насильственной модернизации советского образца. Т. Барчунова отмечает, что «вариации на тему “естественного” порядка властных отношений многообразны, но, как правило, сводятся к трем основным сюжетам: утверждение доминирования мужчин над женщинами; манипулирование мужчинами, осуществляемое со стороны женщин; приравнивание женской эмансипации к сексуальной распущенности...» (Барчунова 2002). Таким образом, естественный порядок видится как легитимный патриархат, предполагающий неизбежно особую женскую власть-манипулирование.

Такие утверждения слышны на фоне общеизвестной статистики о более низких заработках женщин, об отсутствии женщин в политических органах на федеральном уровне, в крупном бизнесе, среди высокооплачиваемых финансовых работников и хай-тека. Среди руководителей органов власти и управления всех уровней число женщин составляет 39 %, среди работодателей — 35 %. Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин — 64 % (2003 год) (Женщины и мужчины 2004: 95, 97, 108). Другой контекст — это до-

машнее и сексуальное насилие, трафик, проституция и повседневный сексизм. Таким образом, сохранение в нашем обществе наиболее значимых патриархатных структур в сфере экономики, политики и приватной жизни сочетается с непризнанием феминистской повестки дня.

Что это означает для нас, социологов феминистской направленности? Как мы можем интерпретировать данный феномен? Идет ли речь о коллективном непризнании патриархата, необходимом для его «спасения», или о каких-то других, более сложных процессах? Попробуем ответить на поставленные вопросы, обратившись к контексту позднесоветского гендерного дискурса. В советском обществе государство осуществляло авторитарный проект гендерной модернизации. Наиболее модернизированной при этом становилась публичная сфера, с которой связаны ресурсы экономической независимости, в значительной степени определяющие социальный статус индивида и группы. Социальный статус женщин во многом определялся ее позицией в сфере оплачиваемого труда и в профессионально-должностной стратификации.

Однако основным пространством так называемой женской власти — власти, основанной на легитимном праве осуществлять заботу и вызывать страсть, — оставалась более традиционалистская приватно-семейная сфера, сфера интимных отношений или катексиса. Легитимная власть или авторитет женщин в приватной сфере поддерживались советским государством с одной стороны, инфраструктурным дефицитом — с другой, культурными нормами гендерной поляризации — с третьей. В приватной сфере женщина как мать, жена или сексуальная партнерша обладала (и до сих пор обладает) монополией на принятие и исполнение решений; она может подчинять своей воле других зависимых. В этой сфере осуществляются особые типы «женской власти». Именно здесь женщина черпает дополнительные ресурсы, связанные с властью так называемого сексуального объекта, вызывающего страсть и ставящего в зависимость от себя, или с властью заботы как ответственного отношения, предполагающего контроль и подчинение близких.

Трансформация в 1985—2000 годах привела к структурным изменениям гендерного порядка в России. Однако достигнутое в тоталитарную эпоху равенство женщины и мужчины в

общественной сфере (преимущественно уровень образования и занятости, а также экономическая независимость женщины в результате массового вовлечения в производство) — это, по словам Н. Римашевской, «то колесо российской истории, которое не только трудно, но практически невозможно безболезненно повернуть назад» (Римашевская 2002: 255).

Публичная сфера была и остается гендерно асимметричной, женщинам систематически не хватает ресурсов реальной легитимной власти в публичном пространстве. Ренессанс патриархата, возникший как социальное следствие структурных реформ (речь идет о 1990-х годах), выражается в усилении неконкурентоспособности женщин на рынке труда, приводит к снижению их трудовой занятости в общественном производстве и соответственно к падению их социального статуса (Там же: 255). Дефицит возможностей, вызванный в том числе нестабильностью и «дикостью» «правил игры», восполняется непрямой властью. Непрямая власть неуловима, косвенна; она порождена патриархатом и поддерживает его. Важность данной власти в контексте российской трансформации особенно велика в связи со значимостью социального капитала (сетевых ресурсов), определяющего стратегические возможности действующих лиц. Те, кому не хватает ресурсов, определяют практики социальных взаимодействий как «подковерные игры», к которым они не допущены. Они компенсируют неопределенность «правил игры» дикого капитализма и фиктивной демократии мобилизацией неформальных персонифицированных отношений, что создает основания для реализации власти-манипулирования. Такая власть предполагает наличие практической компетентности, использование практического знания типа *metis*. Такое знание «впечатано» в микрофизику гендерного дисплея. Так, например, женское кокетство может проявляться непроизвольно, как естественный дисплей, сформировавшийся в процессе гендерной социализации. Однако кокетство может служить достижению определенной цели, например легитимации присутствия женщины в мужском обществе в качестве псевдосексуального объекта. Особенность власти-манипулирования связана также с тем, будучи публично непризнаваемой и лишенной авторитета, она не предполагает публичной ответственности за результаты своей реализации.

В российском обществе (и не только в нем) манипулирование другими является эффективной стратегией. Ею пользуются как мужчины, так и женщины. Однако в российском патриархатном дискурсе признается, что женщины по природе своей обладают преимуществами в использовании манипулятивных средств. *Ориентацию на отношения* и способность к управлению считают необходимой чертой женской идентичности. «Настоящая женственность» предполагает внимание к другому, эмпатию, инвестиции в эмоциональную работу, осуществление заботы, способность к пониманию и поддержке. Но «настоящая женственность» предполагает также сексуальную привлекательность и востребованность женщины как сексуального партнера. Ресурсы заботы и сексуальной привлекательности составляют основания власти-манипулирования, их значимость усиливается эффективностью социального капитала в трансформационном контексте. Примером осуществления такой власти является использование обаяния, эротизация и сексуализация формальных отношений, апелляция к традиционной женственности, требующей снисхождения и защиты. В условиях, когда невозможно добиться чего-то «по правилам», когда женщины оказываются структурно исключенными, они прибегают к гендерно маркированным стратегиям достижения целей. Если женщин вытесняют из публичной сферы, они интенсифицируют ресурс «катектичного» влияния. В постсоветское время публичная эротизация женских образов расширила рамки для интерпретации сексуальной привлекательности как средства манипулирования.

Итак, в постсоветском гендерном пространстве женская власть-манипулирование осуждается как власть «стервы», но признается как распространенная стратегия. С одной стороны, эгалитарные тенденции делают ее в некоторых ситуациях менее востребованной и менее легитимной. С другой стороны, она усиливается из-за структурной неопределенности, коммерциализации социальных отношений, из-за недостатка демократической правовой культуры. Тенденции разрушения социально-экономического патриархата сочетаются с усилением культурного патриархата — андроцентризма. Несмотря на реальное доминирование женщин в организации семейной жизни, его характеризует дефицит легитимности. В частности, О. Здравомыслова показывает, что главенство женщины в со-

временной московской семье готовы признать нормальным единицы опрошенных (Здравомыслова 2003: 101—103). В приватной сфере женщина способна принимать решения и подчиняться им окружающих. Она осуществляет практики социального контроля. Однако у такой власти не хватает авторитета и легитимности; она описывается как манипулятивная, как ненужная женщинам и притесняющая мужчин, особенно когда она выходит за пределы семьи.

Свою власть в приватной сфере женщины воспринимают как вынужденную и избыточную. При этом мужчины полагают, что женщины пользуются такой властью целенаправленно: они подавляют, исключают и репрессируют других (мужчин и детей). В современном повседневном и научно-популярном дискурсе данная тенденция выражена в категориях «стервологии» (в современных пособиях «по эксплуатации мужчины»). В российском обществе не существует конвенции по поводу гендерного порядка, для него характерен гендерный конфликт: конфликт тенденций и конфликт интерпретаций (см.: Здравомыслова 2003). Такой конфликт выражается, в частности, в том, что женщины считают свою власть вынужденной, отождествляют ее с дополнительной нагрузкой и эксплуатацией. Однако мужчины считают, что женщины добровольно и сознательно монополизируют власть в семейной сфере. Так или иначе, признается избыточность «власти женщин». При этом эта власть имеет низкий или даже морально неприемлемый статус, часто рассматривается как злоупотребление или обуза, особенно когда она выходит за пределы интимной сферы.

В настоящее время наблюдается дифференциация гендерных контрактов и столкновение эгалитарных тенденций с тенденциями усиления андроцентризма. С одной стороны, в российском гендерном пространстве существуют сегменты эгалитарного уклада, при котором нет необходимости в манипулятивных стратегиях, с другой — очевидно присутствуют традиционно организованные социальные среды, для которых характерен культурный сексизм, усиливающий значимость *метиса* «женской власти». По всей видимости, в основном на традиционалистские взгляды рассчитаны многочисленные пособия «по эксплуатации мужчин» и «эротическому манипулированию», пособия «как найти богатого мужа», «по стервологии» и т. д. Обе обозначенные нами тенденции (тради-

ционалистская и эгалитарная) прослеживаются в этих научно-популярных руководствах, которыми изобилует дискурсивное пространство. Смысл этих текстов реконструируется нами следующим образом. Во-первых, признается, что женщинам, чтобы добиться позиций в публичном пространстве, нужно мобилизовать самые разнообразные ресурсы — от мудрости и профессионального опыта до способности обольщать; во-вторых, одной из стратегий достижения цели является «дрессировка» мужчин и манипуляция ими.

Итак, патриархат как система господства предполагает определенную диалектику контроля. Структурное исключение женщин сочетается с формированием женских стратегий манипулирования. В современном российском контексте андроцентризм (или культурный патриархат) воспроизводит «женскую власть» как стратегию действия и как дискурсивную конфигурацию, но дефицит ее легитимности свидетельствует о разрушении классических патриархатных структур. Мы полагаем, что власть-влияние, власть-манипулирование, представляет угрозу для достижения идеала гендерного равенства. Она воспроизводит патриархатный гендерный порядок и порождается им в силу того, что существует барьер включенности женщин в «правила игры» на равных. С нашей точки зрения феминистская критика должна противодействовать усилению патриархатного дискурса и «женской власти». Разрушение «скрытой власти» будет способствовать эгалитаризации гендерного порядка и росту публичной власти женщин. В этом мы согласны с Н. Фрезер — есть различия, с которыми нужно бороться, ибо они являются непредвиденными следствиями патриархата.